

Интервью с Андреем Николаевичем АЛЕКСЕЕВЫМ

«ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...»

Алексеев А. Н. — окончил филологический факультет ЛГУ, кандидат философских наук, Санкт-Петербург. Основные области исследования: социология средств массовой информации, культуры, производства, образа жизни, методология и методика социологических исследований. [Первое наше интервью](#) состоялось в 2006 году, настоящее — в августе 2013-январе 2014 гг.

Все интервью этой онлайн-книге начинаются с моего представления моих собеседников. Здесь в силу двух веских причин я нарушил эту традицию. Во-первых, данное интервью с А. Н. Алексеевым — продолжение нашей беседы, состоявшейся в 2006 году, которая сопровождалась моими вводными словами. Во-вторых, Алексеев — редактор-составитель этой книги. И это его бонус — обойтись без моих «открывающих» слов.

Андрей Алексеев: «Продолжение следует...»

В 2006 г. Борис Докторов, тогда еще только начинавший свой замечательный и теперь уже знаменитый проект истории советской / российской социологии «в лицах», обратился ко мне с предложением о биографическом интервью. Как и все другие его интервью (теперь их уже более 50), оно проводилось *on line*, путем электронной переписки. Мы с увлечением вникали в перипетии житейской и интеллектуальной биографии интервьюируемого (то есть меня) и добрались где-то до середины «земного пути».

Потом отвлекли какие-то неотложные заботы, дело не довели до конца, ограничились публикацией лишь одной, не биографической части интервью — [«Познание через действие \(Так что же такое «драматическая социология»?\)»](#); (Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2006, 5).

Несколько лет спустя я почти случайно обнаружил наше неоконченное интервью в своем электронном архиве и, под названием *«Рыба ищет где глубже, а человек — где не так мелко...»* включил этот текст в книгу: [Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия — социолог... М.: Норма, 2010 \(том 2, Приложение 2 к главе 6\)](#). Нашел свое место он и в двух электронных книгах Б.З. Докторова: [Биографические интервью с коллегами-социологами \[электронный ресурс\]. \(Третье издание. М.: ЦСПиМ, 2013\)](#) и [Современная российская социология: Историко-биографические поиски \[электронный ресурс\] \(В 3-х тт. М.: ЦСПиМ. 2012\)](#). Представлено это интервью и на сайте «Международная биографическая инициатива».

Между тем, совсем недавно вдруг обнаружился еще один «затерявшийся» фрагмент этого же биографического интервью. Он был тут же включен в нашу с Б. Докторовым соавторскую работу [«В поисках адресата» \(2012\)](#) (см. на сайте МБИ), а также в том 1 [«Из неопубликованных глав «Драматической социологии...»» \(2012\)](#) (см. на сайте ЦСПиМ). Приведу его здесь, поскольку в упомянутых выше собраниях биографических интервью Б. Докторова наша беседа представлена без этого фрагмента.

А. Алексеев. Июль 2012 — август 2013

Дополнение к биографическому интервью «Рыба ищет где глубже, а человек — где не так мелко...» (2006)

..Вот, просмотрел мозаику своих, уже отправленных тебе автобиографических фрагментов и нахожу, что 1970-е, т. е. период активной профессионализации, представлен чем-то вроде описи: под чьей “рукой” (руководством), с кем сотрудничал (соавторствовал...), в каких областях специализировался... Да еще недолгое партийное секретарство выперло на первый план... Пусть даже все “инвентаризации” в соответствующем отрывке хронологически выстроены, однако логика “научной эволюции” не просматривается: откуда куда и — почему так?

Если коротко, то я бы определил сегодня эту логику следующим образом: от идеологических спекуляций — к апологии научной строгости, а от этой последней — к “мягким” методам и акционистским подходам.

Начальный этап (конец 60-х гг.) с его попытками построения марксистской теории массовой коммуникации был охарактеризован выше. Последовавшие затем (70-е гг.) контент-аналитические разработки, опросы читательских и зрительских аудиторий, изучение структуры и динамики репертуара драматических театров страны или конкретного культурного центра (Ленинград), при посредстве экспертов-

театроведов, опросы, направленные на изучение образа жизни, потребительской и культурной активности, будь то населения мегаполиса, будь то строителей Байкало-Амурской магистрали, наконец, участие в панельном исследовании “Человек и его работа. 1976”, — все это были “социологические опыты” в рамках “дискурсивной” (пользуясь термином В. Шубкина из его замечательной новомировской статьи “Пределы”, 1978 г.), количественной парадигмы.

К 1975 г. относится моя (совместно с Борисом Беликовым, ныне покойным) работа “О понятии “строгое исследование” в гуманитарных науках”, где, кажется, впервые серьезно задумался над тем, что “строгость” (предполагающая использование так называемых “жестких” методов) — отнюдь не синоним “объективности” или “истинности”. Были выдвинуты два реалистичных критерия строгости, а именно — критерий **соответствия цели** и критерий **воспроизводимости результатов** (чему в эмпирической социологии соответствуют требования обоснованности операциональных определений и надежности инструментов измерения). Это был первый шаг к преодолению сайентистских иллюзий...

Переход к “качественной” социологии произошел на рубеже 70-80-х гг. (я говорю, разумеется, не о мировой социологии, и не об отечественной, а о себе лично). Наиболее отчетливо это проявилось в попытке экспертно-прогностического исследования (“Ожидаете ли Вы перемен?”) и в так называемом “эксперименте социолога-рабочего”, или исследовании производственной жизни “изнутри”, глазами рабочего. (То и другое подробно рассмотрены в книге [«Драматическая социология и социологическая аутореклексия», 2003-2005](#)).

Впрочем, сразу оговорю, что в продолжающемся и по сей день “парадигмальном” споре между приверженцами количественных и качественных методов социологии я вовсе не беру сторону последних, “в ущерб” первым, а полагаю равноправными и взаимодополняющими три элемента системной (по Р. Баранцеву) триады: субъект-объектная социология, субъект-субъектная социология и социальная философия (соотносимые с фундаментальным семантическим архетипом: рацию — эмоцию — интуицию).

Другая линия персональной “научной эволюции” (в целом протекавшей, пожалуй, “скачкообразно”, включая “смены вех”) — это возрастающий интерес к динамике, будь то общественного, будь то личностного развития. Так, мне казалось принципиально важным (во второй половине 70-х) выдвижение понятия жизненный процесс в качестве категориальной пары к понятию образ жизни (взятому на уровне индивида; на уровне общества такой категориальной парой к “образу жизни” я полагал “социальное развитие”...).

Постулировался (мною) принцип приоритета исторического, генетического подхода (в исследованиях образа жизни) перед структурно-функциональным. Сам же образ жизни, поначалу полагавшийся “системой” эмпирически наблюдаемых форм повседневного поведения, получил у автора этих строк существенно новую трактовку — как **способ взаимосвязи условий, сознания и деятельности субъекта**.

К тому же времени (вторая половина 70-х) относится повышенный интерес (я о себе говорю...) к занятиям проблематикой жизненных путей. Жизненный путь трактовался как смена способов жизни (поначалу речь шла о “жизненных ситуациях”), каждый из которых характеризуется своими жизненными обстоятельствами, стереотипами поведения и направленностью личности. Придумывались (в соавторстве с С. Минаковой), сценарии фокусированных и даже отчасти формализованных биографических интервью (“Ваша жизнь — вчера, сегодня, завтра”), а также тесты на определение поведенческой и ценностной направленностей личности (вопросники “Как Вам живется...” и “Ради чего мы живем?”).

Понятие “жизненного пути” оказалось одним из ключевых и в исследовании проблем социальной адаптации строителей БАМа (проводившегося совместно с В. Дьяченко в 1977-78 гг.).

Помню, в 1981 г. (тогда уже работал на заводе...) я попытался обобщить все мало-мальски значимые результаты собственных исследований за 10 лет в докладе под названием “Образ жизни и жизненный процесс”. Приведу здесь три из пары десятков выводов этого доклада:

“<...> 3. Вывод о доминирующей роли “отложенных” эффектов пройденного исторического или жизненного пути в ряде ключевых моментов образа жизни поколений и структуры жизнедеятельности индивидов.

Нами получены разнообразные подтверждения выдвинутой ранее гипотезы об относительно высокой (а в некоторых отношениях и преобладающей!) роли прошлых обстоятельств жизненного пути (таких, как социальное происхождение, условия социализации, “стартовое” образование и др.) для формирования различных аспектов актуальной жизнедеятельности человека.

Особенно заметна связь между социально-биографическими переменными и характеристиками социокультурной активности людей.

Может показаться даже удивительным, что зависимость “культурного ценза” семьи опрошенного (измерявшегося, впрочем, довольно грубо — размерами домашней библиотеки) от “образовательного ценза” родителей (учитывался наивысший уровень образования среди родителей) больше, чем от собственного образовательного статуса (уровня образования) опрошенного (данные ленинградского обследования “100 вопросов о Вашей жизни”, начало 70-х гг.).

Еще более существенно обусловленными социальным происхождением и условиями социализации предстают образовательный и социально-профессиональный статусы обследованных. Широкий круг данных подобного рода получен также в исследованиях зрительской аудитории ленинградских театров (70-е гг.).

Разнообразные “отложенные” эффекты исторического пути, пройденного целыми поколениями (участие в войне, общественная ситуация середины 50-х гг. и проч.), на наш взгляд, могут оказаться ключом к объяснению многих современных явлений в сферах труда, быта, досуга, а также особенностей жизненной позиции представителей этих поколений.

“<...> 4. Вывод-гипотеза о складывающейся диспропорции между семейно-бытовой, индивидуально-потребительской, и социально-творческой, общественно-гражданственной компонентами в структуре жизнедеятельности личности.

Этот вывод базируется на разнообразных социологических данных, в том числе полученных нашим научным коллективом [сектор социальных проблем личности и образа жизни ИСЭП АН СССР. — А.А.] — насчет распространения и укрепления “инструментального” отношения к труду (труд как средство для жизни), в отличие от отношения к труду как к “самоценной” деятельности.

Многokратно отмечавшийся рост индивидуально-потребительских тенденций, усугубляющаяся вовлеченность людей в семейно-бытовую сферу, “рецидивы мещанской психологии” (упоминаемые в партийных документах) — все это позволяет говорить о том, что на передний план сегодня выдвигается потребительская компонента образа жизни, в отличие от компоненты социально-творческой, а также — общественно-гражданственной.

Дополнительное подтверждение этому получено недавно нами в совместном с С. Минаковой исследовании структуры и динамики жизнеощущения личности после завершения вуза без отрыва от производства.

Мы задавали, в частности, вопросы о том, насколько человек удовлетворен своими нынешними жизненными обстоятельствами, “счастлив ли он”, а также о том, насколько ему удастся удовлетворять свои потребности (материальные и культурные) и насколько удастся развивать и реализовать свои способности. Анализ связей между ответами на эти вопросы показывает, что развитие и реализация способностей (вкуче с удовлетворением культурных потребностей) относительно автономны от удовлетворения материальных

потребностей.

Примечательно, что “дух” не выдерживает конкуренции с “бытом” — в формировании “ощущения счастья”. Счастливым (в картине данных упомянутого исследования), предстает скорее тот, кто удовлетворяет свои материальные потребности, чем тот, кто реализует свои способности или развивает их. Кстати, “наиболее счастливыми” оказываются люди с доминирующей вовлеченностью в общественно-трудовую сферу (в нашей выборке это, как правило, хозяйственные руководители среднего и высшего звена). Но, как показывает анализ, жизненный мотив удовлетворения материальных потребностей у людей даже и с такой направленностью личности — превалирует над мотивом реализации способностей.

<...> **7. Вывод о прогрессирующем развитии феномена “ситуационно-ролевой” морали в сферах трудовой, общественной, бытовой и т.д. активности.**

На термине не настаиваем. Но речь идет о развитии особого социально-нормативного комплекса, в котором рассогласование норм-требований и норм-стереотипов поведения является минимальным.

Массово одобряемым и общественно-санкционируемым все более становится поведение, которое иногда называют конформным, но точнее его характеризовать как “ситуационно-ролевое”. Это поведение, направленное на сохранение системы взаимосвязей субъекта с окружающей средой или на такое изменение этой системы, которое способствует увеличению ее стабильности. Отсюда — феномен “ситуационно-ролевой” морали, в пределе приближающейся к абсолютной адаптивности. Один и тот же человек ведет себя прямо противоположным образом в зависимости от ситуации, в которой он оказался, или той из своих социальных ролей, которая в этой ситуации актуализируется. Внутренние максимы поведения как бы “стираются”, отступают перед внешними императивами и теряют всякую регулятивную роль.

При этом человек не осознает этой своей ситуативно-ролевой зависимости. Он равно убежден в своей “правоте”: и в роли дружинника, задерживающего того, кто выпивает в садике, и в роли пьющего водку у пивного ларька; и в ситуации хронометража рабочего времени, когда надо скрыть свои производственные резервы, чтобы не пересмотрели нормы, и в ситуации инициативного (со стороны рабочих) пересмотра норм, упреждающего их (эти нормы) неизбежный административный пересмотр.

Это мораль не “двойная”, а именно ситуационная, в ней нет сознательного “лицемерия”. При этом достигается относительная свобода поведения (не осознаваемого в качестве вынужденного).

Само по себе инициативное (не “ситуационное”!) поведение оказывается эффективным тогда, когда оно предстает — в общем мнении — как **“инициатива вынужденная”**. Принцип вынужденной инициативы может выступать также и своеобразным адаптационным средством, если человек ставит перед собой цели “овладения ситуацией”, творчески-преобразовательной или нормотворческой деятельности.

(Конечно, это уже не “чистая” социология! Но социология, по нашему убеждению, должна не только способствовать формированию личности согласно общественным требованиям, но и “учить” личность эффективно действовать в социальной среде).
<...>“

(Цит. по: Алексеев А. Н. [Драматическая социология и социологическая ауторефлексия](#). Том 1. СПб.: Норма, 2003, с. 450-453).

[Итак, ауторефлексия по поводу профессиональной биографии автора ныне этим фрагментом автобиографического интервью 2006 г. оказалась существенно дополнена и отчасти резюмирована. — А. А.]

Андрей, давно, в 2006 году, я начал расспрашивать тебя о твоей жизни, а ты приступил к рассказу... С тех пор (или даже раньше) мы находимся в плотной переписке, так что можно сказать, что интервью продолжалось все это время. Тем не менее, не мог бы ты выделить опорные моменты твоей профессиональной жизни в последние годы?

Да, при высокой плотности нашего общения последние 7 лет, можно сказать, что вся моя профессиональная жизнь эти годы разворачивалась даже не то, чтобы у Тебя на глазах, но с твоим непосредственным участием. Этому способствовали и максимальное использование возможностей электронной связи, и взаимная заинтересованность в судьбе друг друга, и растущая общность научных интересов.

Достаточно сказать, что из наших контактов в течение февраля-октября 2006 года (как раз период нашего первого интервью) удалось потом сделать совместную книжку: [«В поисках Адресата \(Переписка двоих с постепенным расширением круга тем и участников\)»](#).

Ну, а потом Ты писал о мне очерки (то для «Телескопа», то для «Социологического журнала»), а я оказался «редактором-инициатором» (официально – редактором-составителем) твоего знаменитого собрания ныне уже свыше 50 биографических интервью с коллегами-социологами пяти поколений.

Из событий моей жизни этого времени, наверное, важнейшей, судьбоносной вехой явилось увольнение из Социологического института в 2008 году. Формальное обоснование – «по сокращению штатов», а по существу, я бы сказал, «по совокупности заслуг», причем для этого тогдашний (да и нынешний) директор СИ РАН так старалась, что впору возгордиться.

Я, действительно, не укладывался в некоторые институциональные нормативы профессиональной деятельности, хоть и не могу сказать, что уж совсем ими пренебрегал. Так что к усилиям институтского начальства освободить это учреждение от моего присутствия, я отношусь с пониманием, а по совокупности последствий – так даже и с благодарностью.

Во-первых, мне удалось благополучно перейти из положения сочинителя заявок, планов и отчетов в положение этакого freelancer'a, «свободного художника», независимого исследователя – статус, в каковом надеюсь пребывать всю оставшуюся жизнь.

Во-вторых, сама ситуация увольнения оказалась настолько социологически интересной, модельной, или моделирующей определенные социальные процессы и тенденции («моделирующая ситуация», как Ты знаешь, это мое терминологическое нововведение, как и «наблюдающее участие»), что мне осталось только строго фиксировать ее истоки и развитие, с сопутствующим анализом.

Большого подарка администрация СИ РАН своему неуголному сотруднику преподнести не могла, став при этом сама актором (группой акторов) в кейсе экспериментальной, или драматической социологии. Все как в «эксперименте социолога-рабочего» – то ли гонимого, то ли преследующего социального институты, чтобы дать им раскрыться «во всей красе» и опасной для них транспарентности.

Этого кейса хватило на целый том с лишним из [4-томника «Профессия – социолог...»](#), написанного и изданного нами с Р. Ленчовским в 2008-2010 гг. (Автопрезентацию этой книги см. в [«Украинском социологическом журнале»](#) и в журнале [«Семь искусств»](#)).

В силу ли этого счастливого стечения жизненных обстоятельств, в силу ли внутренне сложившегося нарушения законов акмеологии (что, кстати сказать, и Тебе знакомо), последующие пять лет оказались едва ли не самыми продуктивными в моей профессиональной биографии, хотя бы солнце жизни естественно и склонялось к закату. Коль скоро Ты просишь «выделить» опорные моменты, я назову несколько сфер приложения сил (они же – формы самореализации):

1) Занятия *биографикой*, скажем так, в социологическом и историческом аспектах, иногда с претензией на междисциплинарный синтез. В основном теоретико-методологические изыскания, но также и «прикладные». Работа «в точке пересечения биографии и истории общества» (по выражению Ч. Р. Миллса). Этому

немало способствовал и наш [коллективный мета-проект](#), который назову привычным словом «Международная биографическая инициатива», и «невидимый колледж», сложившийся на его базе.

2) Наблюдающее участие в жизни *социологического сообщества* Питера, да, пожалуй, и России, от попыток консолидации [сопротивления мракобесным тенденциям в развитии социального института отечественной социологии](#), особенно активизировавшимся во второй половине «нулевых» годов, до [волонтерского «социологического сопровождения»](#) подготовки и проведения двух – Московского и Уфимского – «Четвертых» всероссийских социологических конгрессов в 2012 году.

3) Довольно активное участие в делах [Научно-информационного центра «Мемориал» \(СПб\)](#). Этой замечательной команде энтузиастов (одной из тех некоммерческих организаций, кого наши бдительно/бдящие власти пытаются записать в «иностранцы»), мне удалось передать свой многострадальный (во времена пребывания в Социологическом институте) «Алексеевский архив». Участвую и в других мемориальных проектах.

4) Своего рода *камеральная* работа (так это называется, например, у геологов), как ее можно обозначить, если считать всю жизнь работой полевой. Каждому камушку и сколу породы, привезенному когда-то из экспедиции, нужно найти свое место в коллекции, описать, истолковать в контексте и т. д. Работа с архивом (не «в», а именно «с»), причем по преимуществу – с собственным. Итог – [три тома «Из неопубликованных глав» «Драматической социологии...»](#) (тома 1, 1/1, 1/ 2). Вот ответу на твои вопросы, и займусь четвертым (том 3).

Не так давно, я опубликовал на портале «Когита.ру» две своих сетевых библиографии за последние 15 лет: [«Сезам, отвори!»](#) (там, кстати, и некоторые работы коллег и друзей, вышесенные мною на Яндекс.Народ.ру и на Диск.ру) и [«ППСС Андрея Алексеева»](#). (ППСС – почти полное собрание сочинений. Эта остроумная аббревиатура заимствована у красноярского историка-мемориальца Алексея Бабия).

5) Продолжение *«драматической социологии»*, во времени и пространстве (то и другое – социальные), причем с отчетливым пониманием, что «жизненные приключения» на надо искать (тем более на склоне лет), они сами тебя найдут, и надо только не отказываться от предлагаемых самой жизнью предметов и поводов для наблюдения, описания, анализа и рефлексии. Собственная жизнь, во всех ее связях и опосредованиях, как включенное наблюдение, а лучше – наблюдающее участие.

6) *Мониторинг* современной общественной жизни («бывали хуже времена, но не было подлей», впрочем, и интереснее не так уж много было). 2008-2009 годы так или иначе резюмировались в томах 2 и 3 книги «Профессия – социолог...». Вообще же, мониторинг реализовался через рассылки-обозрения для коллег и друзей, начиная с 2007 года по сей день.

Начиная с осени 2012 г. произошла своего рода институционализация этой деятельности, в форме так называемого краудсорсинга на информационно-аналитическом портале [«Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада»](#). Эта работа повседневная, состоящая в том, чтобы вывешивать на этом интернет-портале в среднем в день по три-четыре материала – не своих собственных, так других людей, не перво-, так ре-публикации, но всегда по своему вкусу отобранные и откомментированные.

Теперь мои ежемесячные рассылки приобрели вид хронологически упорядоченного архива и навигатора по portalу – для тех, кто не успевает следить за динамикой панорамы на нем регулярно.

Вот, пожалуй, я кратко осветил (перечислил) «опорные моменты» или направления деятельности социолога-волонтера. Они расставлены здесь не в порядке приоритетов, а, так сказать, хроно-тематически.

Разрешу себе задать вопрос в весьма нетрадиционной (для меня) форме, но логичной для нашей переписки. На мой взгляд, ты абсолютно верно начал «новое летоисчисление» с увольнения из Социологического института РАН в 2008 году. Случившееся изменило твою жизнь и позволило последующим пяти годам стать «едва ли не самыми продуктивными» в твоей жизни. Уход из Института Вячеслава Бачинина и Якова Гилянского (у каждого из вас троих эта процедура была несколько различной) тоже оказался весьма полезным для их профессиональной — а это важнейший элемент нашей жизни — деятельности. В опубликованном несколько лет назад журнальном варианте моего интервью с Бачининым есть описанная им фабула увольнения, но нет того, что в полном тексте интервью названо им ее следствиями и плодами. Они были обозначены тремя тезисами: «Первый тезис имеет для меня вид обращения к Богу из всё той же молитвы Оптинских старцев: “Во всех непредвиденных обстоятельствах помоги помнить, что всё ниспослано Тобою...” Второй: для христианина случайностей не бывает, в его лексиконе нет даже такого слова. Третий — это слова апостола Павла о том, что любящим Господа всё содействует ко благу».

Ты обозначил опорные формы самореализации в прошедшие годы, а не мог бы ты поразмышлять о том, почему — в силу каких обстоятельств — увольнение из Института стало для тебя, пусть лишь в определенном смысле, благом? Ведь видны и другие варианты продолжения жизни: чтение газет и просмотр телевидения, «домино во дворе», просто ничего-не-делание...

Из Социологического института РАН ушли не только я, Бачинин и Гилянский (перечисляю в порядке очередности). Кто сам захотел уйти, кого «попросили», кого уж нет на этом свете. Просто увольнение названных Тобою оказалось наиболее «громким» событием, стоившим Институту определенного репутационного урона.

По сравнению с теми временами, когда Ты там работал (до 1994 г.), состав обновился едва ли не наполовину. Из расставшихся с Институтом я не знаю никого, кто бы об этом жалел. В «Профессии — социолог» эта тенденция детально прослеживается. Бачинин дает религиозное истолкование совершившимся событиям. Я, как человек не религиозный (хоть и вовсе не анти-религиозный!), нахожу вполне «земное» объяснение.

Человек, в частности, в нашей науке страдает от *несвободы* (раньше — прежде всего идеологической, а теперь — по преимуществу экономической и социально-психологической). Покидая забюрократизированную систему, он избавляется от множества социальных пут и зависимостей, а поводов и *случаев* для такого освобождения — хоть Господь-бог, хоть естественные стечения обстоятельств предлагают ему великое множество. Так что человеку остается лишь делать выбор в свою пользу (кстати, вовсе не обязательно в пользу свободы).

Ладно, довольно умствовать (умничать?). Но из сказанного вытекает и ответ на твой вопрос: почему увольнение из Института оказалось благом. Помнишь название нашего первого интервью 2006 г.: «Рыба ищет где глубже, а человек — где не так мелко». Глядя издали на коллег — тех, кто еще там, слушая их рассказы или рассказы о них, думаешь, «Боже, на что они тратят жизнь (молодые) или остаток жизни (ровесники)!». Чтобы заработать очередные баллы так называемой результативности научной деятельности — к очередной премии или аттестации?..

Я же — могу теперь себе позволить даже не вести списка научных публикаций. Я отчитываюсь только перед самим собой, ну и друзьями, может быть, еще — перед теми, кто придет на смену. Мне никого ни о чем не надо *просить*. Я могу исключительно *дарить*. Ради этого стоит пожертвовать и зарплатой (кстати, все равно нищенской).

Ну а «другие варианты продолжения жизни», вроде пассивного телесмотрения или «домино во дворе», конечно, тоже распространены. И они даже для кого-то благо. Поначалу. Но потом или человек находит себе пусть самое скромное, но дело, или подступает деградация. И тогда человек уже не живет, а «доживает».

Воспользуюсь обозначенным тобою хроно-тематическим порядком сфер приложения твоих сил и потому начну с вопросов о твоих занятиях биографикой. Прежде всего, не мог бы ты наметить путь, который привел тебя к этой тематике: это произошло в результате некоего «скачка» или в результате естественного развития твоих научных интересов?

Пожалуйста, раскрой смысл слов «с претензией на междисциплинарный синтез»?

Ты не раз писал о месте биографического анализа в изучении истории российской социологии. Не мог бы ты просуммировать твоё сегодняшнее видение этой проблематики. Думаю, здесь ещё есть тема для обсуждения. Так, в защищенной в начале лета интересной докторской диссертации Елены Рождетсвенской «Биография как социальный феномен и объект социологического анализа» (сужу по автореферату) биографический анализ как метод историко-наукоеведческих (социология социологии) исследований вообще не рассматривался.

Ну, если Ты начнешь спрашивать последовательно, по моим пунктам (1-6), так, глядишь, и полный жизненный отчет получится.

...но ты знаешь, ничто меня так не «заводит», как стремление увидеть в жизни собеседника истоки его деятельности, на мой взгляд, в этом и есть одна из особенностей историко-биографического исследования...

Мои нынешние занятия биографикой, как водится, имеют свои предпосылки, истоки, стимулы и непосредственные поводы. Кажется, ещё в пору самых первых моих подходов к исследованию образа жизни (в начале 70-х) пришли наблюдения, а потом и убеждение, что нынешнее состояние системы жизнедеятельности человека существенно зависит от её прошлых состояний, а точнее — от интериоризованных воздействий предшествующего жизненного опыта.

Позднее я даже сформулировал ряд методологических принципов изучения образа жизни, среди которых был такой: *принцип приоритета динамического (исторического, генетического) подхода* (к исследованиям образа жизни) *перед структурно-функциональным* (см. главу 6 «Драматической социологии...»). Афористически это можно сформулировать так: человек есть его жизнь, или его биография.

Поначалу я ещё как-то пытался уложить жизненную историю в более или менее формализованные вопросы интервью (или даже анкеты) или же в некие рамки схемы, модели жизнеописания, пока качественная, гуманистическая интенция во мне не поглотила сайентистскую, и не стало ясно, что оптимальным для меня (но вовсе не универсально!) является собственно биографическое исследование, на грани науки и словесности.

Немало тому способствовал и опыт «драматической социологии», где личность исследователя выступает и наблюдателем, и актором, и — в известном смысле — инструментом исследования.

Ну а непосредственным поводом теоретико-методологических штудий в области биографики явились — вовсе не научно стимулированные, хотя и профессионально выполненные — опыты написания семейных хроник — своей собственной и своих родственников. Это было уже где-то в конце 90-х гг.

Наша «Международная биографическая инициатива» (с её «незримым колледжем») и ежегодные [мемориальные Биографические чтения памяти В. В. Иофе](#), продолжающиеся уже свыше 10 лет, явились мощным стимулом и трибуной для этих занятий, чему уже Ты сам являешься непосредственным свидетелем.

Говоря о «претензии на междисциплинарный синтез» в своих занятиях биографикой я имел в виду, что менее всего при этом озабочен тем, в рамках какой научной отрасли это совершается. Биографические исследования осуществляются на стыке («пересечении») истории, социологии, психологии, социальной психологии,

антропологии, других гуманитарных дисциплин, а также сфер деятельности, к науке вовсе не относящихся (вплоть до художественной литературы).

В той мере, в какой биограф или биографист не осознает этих пересечений, его деятельность *синкретична* (причем синкретичность может быть поистине гениальной). В той мере, в коей это соединение (переплетение, взаимодополнение...) частных научных подходов является *отрефлексируемым*, можно говорить если не о синтезе, то о движении в его сторону.

Биографический метод в историко-научных исследованиях столь же правомерен, мало того — необходим, как и другие сферы науковедения, будь то его классические или не классические формы. (Кстати, сказать, биографический метод *de facto* активно используется и в искусствознании, и в религиоведении, и в истории техники, и в политической истории и т. д.).

Тут представляется уместным такое рассуждение: в той мере, в какой исторический процесс является продуктом жизнедеятельности людей (а чьей же еще!), он есть не что иное, как некий поток сменяющих друг друга поколений, в свою очередь составленных из множества индивидов, каждого со своей биографией. Так куда же деваться от биографического исследования человеку, желающему постигать закономерности социального бытия и сознания, в статике и динамике того и другого?

Деваться от биографики некуда. Да она и давно насыщает собой все человеческое познание, только стихийно и синкретически. Задача в том, чтобы сделать ее применение осознанным и организованным.

Похоже, что триггером проекта изучения жизни социологического сообщества стала цепочка событий, результатом которых твое увольнение из Социологического института РАН. Как получилось, что этот, в твоей (более поздней терминологии?) кейс стал основой длительного исследования, завершившегося книгой «Профессия — социолог»? Что общего и отличного в методологии этого проекта и «Драматической социологией..»?

Скорее всего проект «Профессия — социолог» — тоже междисциплинарный, но можно ли сказать, что прежде всего он относится к области социологии социологии?

Не фиксирует ли твой проект того, что указывало бы на перераспределение ролей поколений внутри социологического сообщества Питера и России, на возникновение каких-либо новых моделей функционирования профессионального сообщества?

Нет, Борис, изучение жизни социологического сообщества: а) никогда не было для меня особым «проектом»; б) уж во всяком случае не лично-профессиональными событиями или обстоятельствами было спровоцировано. Просто, принадлежность к сообществу не может не побуждать к рефлексии и к действиям в отношении него, если тебе «не наплевать».

Очередной импульс к анализу положения дел в отечественной социологии, как социальном институте, был лично мною получен от того, что называлось событиями на соцфаке Московского университета 2006-2007 гг. («студенческий бунт» против насаждаемого деканом В. Добреньковым и иже с ним мракобесия в социологическом образовании). В 2007 г. академиками Г. Осиповым и В. Жуковым была проявлена, я бы сказал, зловещая активность в плане попытки «консолидировать» отечественную социологию путем учреждения так называемого Союза социологов России (ССР), по существу, альтернативного легитимному (в том числе на международной арене) Российскому обществу социологов (РОС).

(Попытка, кстати, не первая и не последняя: до этого теми же персонами, включая Добренькова, создавалась еще РоСА — Российская социологическая ассоциация. А после — еще какие-то подобные организации, вплоть до совсем недавнего Общества социальных наук (о котором я узнал из твоего интервью с академиком Г. Осиповым).

В 2007 году мне довелось в этой связи быть инициатором [Открытого](#)

[письма 40 петербургских социологов коллегам-социологам России](#), получившего известный общественный резонанс, прослеженный мною в статье [«Виртуальное»](#), первопубликация которой состоялась на сайте Санкт-Петербургской ассоциации социологов.

В этом же ряду событий и, соответственно, осуществлявшегося, в том числе и мною, мониторинга — история двух «четвертых» всероссийских социологических конгрессов, состоявшихся в 2012 году: один [очередной, организованный РОС и проходивший в октябре в г. Уфе](#), а другой — [«внеочередной», организованный в феврале, в Москве](#), все теми же академиками Г. Осиповым и В. Жуковым на средства РАН, согласно специальному постановлению Президиума Академии наук.

(Ситуацию, сложившуюся в этой связи, без обиняков определил В. Ядов в своей статье [«Скверная история»](#), опубликованной в декабре 2011 года в газете «Троицкий вариант. Наука»).

Все эти «вехи» жизни и истории российского социологического сообщества последнего времени, признаться, были интересны мне как предметы наблюдения и анализа не сами по себе, а как выражение *общих* тенденций движения нашего общества сторону квазидемократии, псевдопатриотизма и интолерантности (иначе говоря — ксенофобии).

В частности, социальный институт социологической науки и образования, как и большинство других общественных институций, все более приобретает имитационный характер, при котором о социальном *познании* говорить не приходится.

Но, повторяю, социологическое сообщество — это просто наиболее мне известная сфера, которую мне или таким, как я, можно изучать «изнутри», используя весь арсенал социологических методов, не исключая и включенного наблюдения, и наблюдающего участия. В этом смысле и книга «Профессия — социолог...» — это не столько книга о социологах, сколько книга *социологов* (кроме меня самого — моего главного соавтора Р. Ленчовского и множества других со-участников, со-беседников и со-авторов)

Социологичны, я думаю, здесь *взгляд, подход, метод*, а предметная область, эмпирический объект — к «социологической жизни» вовсе не сводятся, хотя бы главный кейс и разворачивался (по крайней мере, в первом томе) в стенах Социологического института. Отсюда, и на принадлежность этого проекта к «социологии социологии» я вовсе не претендую.

Кстати, «Профессия — социолог...» едва ли не прямое продолжение «Драматической социологии...», методология во всяком случае — та же. Что отражено и в подзаголовке: «Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только»

Что касается моделей функционирования профессионального сообщества, то они, конечно, обновляются, роли поколений внутри этого сообщества перераспределяются в пользу молодежи, которая, впрочем, по моим наблюдениям, куда «ученее» ветеранов, но и в меньшей степени гражданственно «озабочена». Карьерно-статусные проблемы (особенно связанные с зарубежными стажировками) выходят на передний план перед исследованием социальных проблем, как таковых.

Так что свои надежды я связываю не столько с научной молодежью в целом, сколько с той ее частью, которая все же тяготеет к социологии гражданской, не герметичной, ориентированной на *диалог* — не только с коллегами, но и с обществом, которое есть не только объект, но и субъект.

Мне кажется, что два тома «из неопубликованного» по проекту «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» не только заметно раздвинули хронологические рамки этого проекта и надстроили его методологию, но стали своеобразным «входом из прошлого» в твое и Романа Ленчовского исследование «Профессия — социолог».

Можно ли так рассуждать? И еще такой вопрос: «Что же это за профессия – социолог?»

Коль скоро наша беседа отчасти «на публику», надо пояснить не посвященным, о чем идет речь. Год назад, благодаря Тебе, Ф. Шереги и Е. Григорьевой, мой 4-томник «Драматическая социология...» (2003-2005) появился в Сети на весьма «людном» перекрестке – на сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216> . А вместе с ним – и новый продукт, на бумаге уже не издававшийся, а только в качестве «электронного издания».

Это – том 1 произведения, обозначенного мною как [«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав»](#).

Такую акцию можно сравнить с выставкой из музейных запасников. Дело в том, что 10 лет назад, при издании своей «Драматической социологии...», я вынужден был отказаться от использования там значительного количества материалов, входивших в первоначальную рукопись 1999-2001 гг., которая сама по себе, ввиду ее циклопических размеров, была совершенно неподъемна для печатного издания.

Но это было еще чуть ли не в прошлом веке, когда об электронных изданиях еще и не заикались. Тогда можно было сказать «Все, что не издано, хотя бы малым тиражом препринта, есть частное дело автора». Теперь же в ходу поговорка: «То, чего нет в интернете, хотя бы и было издано на бумаге, как бы не существует».

«Безразмерная» Сеть может вместить все, что автору не стыдно вывесить. Вот и я взялся пустить свои «отвалы» во вторичную переработку. Причем сделал это довольно оригинальным образом: я отнесся к ним как к документам Личности, и Времени и позволил себе их только перетасовывать, но не «дорабатывать» и редактировать.

Итогом оказался этот цикл (теперь принято говорить – «проект»): «...из неопубликованных глав». Буквально на днях я завершил работу еще над двумя томами: 2/1 и 2/2, – и они тоже вывешены по тому же адресу на сайте ЦСПиМ. Параллельно я разослал их тем коллегам, кто ранее имел возможность ознакомиться с томом 1. Сопроводив эту рассылку комментарием в виде фрагмента из личной переписки. Приведу его здесь:

<...> 1) Если «Драматическая социология...» – материнский ствол, то наша с Тобой «Профессия – социолог...» (письмо адресовалось моему соавтору Р. Ленчовскому. – А. А.) и вот эти «Неопубликованные главы...» – две «дочерние» ветви, переплетающиеся в кронах. Так уж получилось, что каждая из трех – тетралогия.

2) Оглавление, композиция, – лицо и суть всякого произведения, своего рода автопрезентация, зачастую имеющая самостоятельное значение и смысл.

3) Как нам с Тобой объяснил В. Бачинин (в своей рецензии на «Профессию – социолог...»), это некий доморощенный, «стихийный» постмодернизм, кстати, как парадигма отображения вполне соответствующий современной реальности. Но при этом каждый «фрактальчик» – вполне классичен, традиционен, сколь бы ни было экзотично целое.

4) Отважусь еще на одно нескромное сопоставление – с архитектурой Антонио Гауди, прославившей Барселону.

5) Всякое мало-мальски творческое дело стоит делать вот именно – как Бог положит на душу, но и проходя по лезвию бритвы между Скукой и Безумием.

6) «Драматическая социология», похоже, и впрямь довольно амбициозная особа, претендующая на некую философичность, в меру своей эмпиричности. В конце концов, вся философия есть осознание человеком себя в Мире и Мира в самом себе.

7) При всем уважении ко всякому чужому мнению остается незыблемой истина: «Ты сам свой высший суд». Этот суд должен быть всегда хоть сколько-нибудь самоироничен. <...>».

Я не думаю, что это некий «переход» или «выход» из прошлого в современные сюжеты нашего с Р. Ленчовским 4-томника «Профессия – социолог...» (2010).

Во-первых, эти тома сделаны (имея в виду не составные части, а целое) именно сегодня (т.е. после названной книги). А во-вторых, я там к «делам давно минувших дней» начал добавлять современные резонансы и контрапункты.

Так, в последних двух томах можно встретить тексты совсем «свежие» (например, хорошо известную Тебе [«Дискуссию через океан»](#)). А заключительный том 3, за который я сейчас предполагаю приняться, так и вообще будет состоять исключительно из таких «глав» «Драматической социологии...», которые к моменту ее издания еще не были и не могли быть написаны.

Вопрос «Что же это за профессия – социолог?» к одному из авторов книги под похожим названием, по-видимому, предполагает не пересказ ее содержания, а некий «остроумный» лаконичный ответ. Для меня социолог – не автор диссертации на соискание ученой степени кандидата или доктора социологических наук, а носитель *социологического воображения* (по Ч. Р. Миллсу), человек, который способен усмотреть или представить («вообразить») скрытые «пружины» социального механизма или «физиологию» социального организма (это – точнее). Или – еще точнее – естественно складывающиеся «правила», по которым совершается функционирование и развития социальной реальности (как материальной, так и идеальной).

Впрочем, это скорее определение не *профессии*, но *призвания* (по М. Веберу). Устроит ли Тебя такой ответ?

Забавно, если бы ты не закончил свой ответ этим вопросом, я не вспомнил бы мое интервью с Леонидом Иониным и один из его ответов, о котором я тогда думал. Приведу и мой вопрос Ионину и фрагмент его ответа, непосредственно связанный с содержанием твоих рассуждений:

Не приходилось ли тебе посещать семинар Ю. А. Левады? Если да, что ты мог бы сказать об этом форуме?

Посещать не приходилось, хотя я многих из участников знал, да и вообще все это происходило рядом, буквально в соседней комнате. Но дело в том, что это было психологически затруднительно. Они были надменные, гордые собой, приобщенные к мудрости, так сказать, и свысока посматривали на профанную публику вокруг. Мне такая позиция никогда не нравилась. Да и вообще наука – не подходящее место для эзотерических кружков. Я поясню: эзотерических не в том смысле, что они были закрытыми и чужие не допускались (допускались: приходите, кто угодно!), но в том смысле, что надо было принять какую-то особую установку благоговения по отношению к руководителю семинара и провозглашаемому им, в общем-то, как это позднее стало видно, достаточно вторичному знанию. Поэтому я и не ходил. Наука – это все-таки профессия, а не служение.

Так вот, по твоему мнению, в какой мере (если) наука – это профессия и в какой мере – служение.

Признаться, я не понял, к чему Ты сейчас припомнил ответ Л. Ионина насчет левадовских семинаров. Похоже, Л. И. ассоциирует СЛУЖЕНИЕ с неким «священнодействием» («круг посвященных» и т. п.). У меня примерно такое же впечатление осталось от разового посещения семинара Г. Щедровицкого – то ли в конце 60-х, то ли в начале 70-х. (Кстати, заочно это методологическое направление тогда оказало значительное влияние на мое формирование как социолога).

Но по мне – служение вовсе не требует ритуализации. Это скорее ценностная мотивация деятельности, и таковая возможна – в компании и в одиночку, в профессии и вне ее. Я бы не искал соотношения между «профессией» и «служением» в социологии. Это как бы разные измерения или разные плоскости. Конечно, хорошо, когда то и другое подкрепляют друг друга.

Вторым направлением приложения сил в твоей новой свободной профессиональной

деятельности ты назвал «наблюдающее участие в жизни российского социологического сообщества. Уже довольно много времени прошло после «двух социологических конгрессов». Какие изменения в наблюдаемой тобой сфере происходят, произошли?

Будем считать, что про идейные размежевания в социологическом сообществе, резюмировавшиеся аж в двух «Четвертых» всероссийских социологических конгрессах в 2012 году, мы уже поговорили. С тех пор произошло не то чтобы примирение, а своего рода конвергенция социально-критического и социально-апологетического «лагерей». Начать с того, что некоторые заметные фигуры оказались представлены в руководящих органах того и другого конгрессов. Ряду наших коллег, которых вот так (без их согласия) записали себе в «сообщники» организаторы внеочередного, Московского конгресса, пришлось заявлять о своей непричастности к этому и настаивать на исключении их из списков руководителей секций и т. п.

Впрочем, некоторых коллег такая «амбивалентность» как раз вполне устроила. А определенная часть профессиональных социологов уже давно демонстрирует свою индифферентность (неразборчивость?) и приятие как гражданской, так и сервильной социологии (да! сервильная социология в России — это теперь уже не только советский феномен). Они-де (эти социологи) не желают разбираться в противоречиях «просвещенной» и «мракобесной» тенденций в социальном институте социологии; они — адепты «объективности», «беспристрастности», «научности» (тоже — форма «служения», кстати сказать).

Так вот, именно эта — отчасти снобистская, отчасти всеядная — позиция в последнее время стала как будто распространяться. Причем тяготение в сторону этой позиции имеет различные мотивы у разных сторон. Одним желательно приобщиться к символическому капиталу своих оппонентов, а другим — к административному ресурсу первых. В этой схематизации я, понятно, упрощаю и отвлекаюсь от многих подробностей личных и деловых внутривидовых взаимоотношений.

Еще, что можно отметить среди примет последнего времени, — это повышенная, порой утрированная самоидентификация и своего рода нагнетание корпоративизма. Социологи (впрочем, только ли они?) все чаще говорят о своей роли в деле служения — хоть власти, хоть обществу (нередко это путают). Я бы сказал, растет озабоченность собственным имиджем. Получается, что не так важно *быть*, как *казаться*.

Известную неудачу в предсказании результатов выборов московского мэра в сентябре этого года (чуть ли на 10 пунктов ошиблись с прогнозом явки, соответственно — и с распределением голосов между Собяниным и Навальным; это при том, что обычно электоральные результаты довольно точно «угадывались!»), так вот, эту неудачу — общественность, а отчасти и сами авторы прогноза восприняли как скандал, так что даже стали говорить — кто с огорчением, кто со злорадством — о «фиаско» социологов-полстеров. Мне тогда довелось заметить по этому поводу:

«...Парадоксально, но весь этот журналистский и политтехнологический «наезд» на социологию (вообще-то на полстерство, но кто там станет разбираться в нюансах!), отчасти спровоцированный и жесткой самокритикой ФОМа, — на пользу самому профессиональному социолого-полстерскому сообществу. Которое в итоге имеет шанс стать а) более открытым, б) менее заносчивым, в) более методологически и методически ответственным». (См. [«Социология и политика. Переписка А. Алексеева и А. Ослона. Продолжение разговора»](#))

Ну, понятно, полученный шанс не означает его полноценного использования. Совсем недавно статья политолога и публициста, обозревателя «Новой газеты» К. Рогова [«Фикция «дремучего обывателя»](#)», где выдвинута гипотеза о систематическом искажении (смещении в сторону «оглупления») картины общественных настроений и мнений в современных массовых опросах, вызвала яростную дискуссию. В которой, на мой взгляд, со стороны «обиженных» социологов. были заведомо превышены пределы

необходимой обороны (См. [И. Задорин. «Фикция «дремучего обозревателя»»](#)).

Я привел лишь один пример из множества проблем, возникающих при попытках ответа нашей социологии на вызовы современности. Но вызовы бывают всякие. Бывают и «вызовы-заказы».

14 ноября (меньше месяца назад), отмечался День социолога. И вот в этот день в Москве состоялась презентация проекта [«Россия удивляет»](#), осуществляемого рядом крупнейших опросных фирм и направленного на... формирование позитивного образа России в глазах общественного мнения. Ты, пожалуй, усомнишься, но воспользуюсь цитатами.

Проект направлен на то, «чтобы с помощью фактов улучшить мнение (! – А. А.) граждан о самих себе, стране и происходящих в ней процессах». Мол, «восприятие сегодняшних реалий как у власти, так и у общества сильно перекошено в негатив...». Необходимо «постоянное расширение индикаторов, которые будут свидетельствовать о том, что Россия удивляет (своими достижениями.— А. А.)». (См. об этом подробнее: [Социологи в роли имиджмейкеров?! День социолога](#)).

...До сих пор социологи имиджмейкерством не занимались, а если и занимались, то стеснялись в том признаться. Теперь уже некоторые из них (в том числе такие, от кого не ожидал) заявляют об этом «во весь голос».

Может показаться удивительным, что этот скандальный, в сущности, эпизод преобразования социологии в пропаганду не вызвал никакого (хоть профессионального, хоть гражданского) протеста в социологическом сообществе, зато такое возмущение вызвали критические соображения социального аналитика относительно вероятной (неплохо бы проверить методическими экспериментами!) систематической ошибки в материалах социологических опросов. (8.12.2013)

Чем, на твой взгляд, обернется для российской социологии затеянное правительством и некоторыми академиками преобразование Российской академии наук?

А каких академиков Ты имеешь в виду? По-моему, это тот случай, когда власть вытерла ноги об Академию наук и ее сотрудников, включая академиков, независимо от готовности столпов науки этому сопротивляться или, напротив, отдаться на произвол судьбы. Но я не знаю ни одного академика, который был бы среди инициаторов этой «реформы» или хотя бы приветствовал ее.

Для российской социологии указанное преобразование (чтобы не сказать – ликвидация) РАН тоже будет иметь деструктивные последствия, но чуть меньшие, хотя бы потому, что «академическая социология» уже давно и без всяких реорганизаций и переподчинений уступает в авторитете и символическом капитале иным, не академическим научным учреждениям. В качестве примера достаточно привести [петербургский Социологический институт РАН](#), ассоциированным членом которого Ты являешься.

Я помню, еще в годы работы в ИСЭП АН СССР ты начал собирать то, что тогда называлось «независимой прессой». Именно эта коллекция послужила началом «Алексеевского архива»? Что он собой представляет сегодня?

Нет, работая в ИСЭПе (т. е. во второй половине 1970-х гг.) я сбором «независимой прессы» не занимался, уже хотя бы потому, что пресса была тогда только «партийно-советская» (диссидентский самиздат – не в счет; а если бы я собирал его, то 80-е гг. провел бы скорее не на заводе, а в заключении). Вот с началом перестройки (примерно с 1989 года; я тогда работал в Ленинградском филиале Института социологии АН СССР), я действительно затеял собирать «Архив-коллекцию нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений», который к середине 90-х гг. стал едва

ли не самым крупным таким собранием в стране.

Когда я несколько лет назад предпринял составление электронного каталога этой коллекции (в дополнение к ручному каталогу), то оказалось, что только периодические издания в ней исчислялись примерно 10 тысячами названий (в большинстве своем — новых изданий, возникших уже после 1986 г.). Из них свыше одной тысячи названий составлял «периодический самиздат» (его называют также и «независимой прессой», и «альтернативной прессой»), распространившийся в годы перестройки и после уже открыто.

Территориально этот архив дислоцировался в помещении Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН. В течение 90-х гг. «Алексеевский архив» (это название возникло чуть позже) был открыт для специалистов в области социологии, истории, политологии, культурологии, да и для гражданских активистов, являвшихся, кстати сказать, главным источником пополнения его фондов.

Ко времени возникновения Социологического института РАН (рубеж 90-х — 2000-х гг.) произошел «наезд» со стороны пожарников и пришлось общественный научно-информационный центр, каким был этот архив, закрыть, а материалы коллекции законсервировать. Несколько лет длились поиски подходящего для фондов «Алексеевского архива» помещения, для чего даже была создана соответствующая некоммерческая организация, получившая грант Фонда Форда (тогда еще не было речи об «иностранных агентах»).

Кончилось дело тем, что я, как главный держатель (собственник?) архива-коллекции, подарил все это богатство в хорошие руки, а именно НИЦ (Научно-информационный центр) «Мемориал», который сумел приобрести для этого архива подходящее помещение, вот только для расконсервации фондов и обеспечения возможности работы в архиве (с архивом) пока не хватает ресурсов.

Зато решена важнейшая задача — обеспечение сохранности этих материалов. А сколько таких самодеятельных собраний ценнейших артефактов времени (коллекций документов, независимых библиотек и т. п.) растворились, погибли, ушли в макулатуру! Так что «Алексеевскому архиву», можно сказать, повезло.

К какому из направлений (или сфер приложения сил) своей деятельности ты относишь онлайн-продукт, названный «В поисках Адресата»? Какое место в логическом, методологическом отношении занимает эта работа в ряду книг «Драматическая социология...» и «Профессия — социолог...»?

Я рад, что Ты вспомнил эту работу. Уже по одному тому, что она наша совместная, мы оба — на титуле. В сущности, это наша с Тобой эпистолярная хроника за 2006 год (когда Ты, кстати сказать, брал у меня первое биографическое интервью). Я тогда еще не имел своей электронной почты и мы обменивались письмами через посредников (Леонида Кесельмана, Аллу Родионову).

Переписка затрагивала широкий круг тем и сюжетов — не только биографическое интервью. «По ходу дела» в рамках этой переписки мне довелось изготвить пару статей-эссе, которые впоследствии публиковались и по отдельности. Переписка — вообще самый свободный из жанров, в котором сочетаются (синтезируются?) творчество, познание и общение, а человек выступает во всем многообразии своих жизненных сил, интересов и проявлений.

С развитием интернета, точнее сказать — с моим овладением этой технологией коммуникации, именно переписка по электронной почте (в отличие, кстати, от так называемых социальных сетей и блогов) стала ГЛАВНЫМ моим жизненным занятием. Та наша переписка 2006 г. оказалась опробованием, испытанием данного «способа существования» (в том числе и профессионального).

Уже в «Драматической социологии...», вышедшей в свет незадолго до этого,

письма автора своим друзьям и коллегам занимали весомое место. А в «Профессии – социолог...» они, пожалуй, превалировали в составе книги. Причем не письма-монологи, а именно **эпистолярный диалог**. Наш с Тобой диалог, отображенный в «В поисках Адресата», строился естественным образом, но, по счастью, достаточно рано был осознан, по крайней мере мною, как своего рода научно-литературный продукт. Так что «слепить» эту композицию (подчеркну: никак не редактируя первичные тексты!) впоследствии не составило большого труда.

Кстати, мы обнаружили эту нашу «научную переписку» уже шесть лет спустя, дав материалу «отлежаться».

Если рассмотреть совокупно «Драматическую социологию...», «Профессию – социолог», «В поисках адресата», то каким термином ты обозначил бы весь этот, скажем так, «мегапроект»? Для меня очевидно, что он далек от завершения, он впитывает очень много... а как ты думаешь, когда он начался, точнее, в чем его истоки? Его предметную специфику назвать очень сложно: это социология труда и образа жизни, социология семьи и культуры, социология науки и профессиональных межличностных отношений... не проще очертить и объектное многообразие твоего исследования. Итак, слово тебе...

Не помню, говорил ли в интервью 2006 года, что на определенном этапе профессионального (да и жизненного) созревания, где-то в середине 70-х, сложилось – поначалу смутное – осознание собственной жизни как своего рода объекта включенного наблюдения (в какой-то из статей я именно так и заявил, а отчасти реализовал – в 3-летнем опыте жизненного автохронометража, о чем, если спросишь, могу рассказать подробнее).

По времени это совпало с персональным дрейфом от «количественной» к «качественной» социологии, точнее сказать – к практике использования качественных методов исследования. (См. об этом недавно разысканный фрагмент нашей беседы 2006 года, приведенный выше).

Моей инновацией было то, что впоследствии получило название **НАБЛЮДАЮЩЕГО УЧАСТИЯ** – хоть в социальных процессах, хоть в собственной жизни (скажем так: в процессах и ситуациях, в которые ты самой жизнью погружен). Суть этого метода (исследования? жизни?) я неоднократно объяснял, как **познание действием**, или исследование реальности, среди прочего, через последствия своих действий в ней.

Сам субъект исследования отказывается от минимизации «возмущающего» воздействия на изучаемую среду и превращает собственную жизнедеятельность в фактор и своего рода инструмент исследования.

(В современном социологическом дискурсе распространена формула: «акционистские и партисипаторные методы». Это, в общем, из той же оперы).

Тут, наверное, следует подчеркнуть когнитивную (познавательную) составляющую и / или интенцию практической деятельности. Все мы участники собственной жизни, но не каждый наблюдает, фиксирует и рефлексивует это участие, да еще – «в социологических целях».

Питерский социолог, профессор СПбГУ Владимир Ильин нашел для этого удачную формулу: «социология как образ жизни». Мы с ним «исповедуем» в общем одну методологию. Кстати, сказать, моя *драматическая социология* не потому «драматическая», что драматична, а потому, что оказывается органической частью и вместе с тем отображением жизненной – бери шире – социальной драмы, на каком бы уровне общности ее ни рассматривать.

С позиций сказанного, «мегапроект» драматической социологии в известном смысле совпадает с жизненным «мегапроектом», каковой реализуется, осознанно или стихийно, практически всяким человеком, вопрос – ради чего? Ради самоутверждения,

ради близких, из гражданских побуждений... Среди прочего может быть и познавательная цель.

Понятно, что жизненные мотивы множественны и переплетены друг с другом. В иерархии мотивов приоритетным может оказаться и социальное познание, имеющее своим «архетипом» инстинкт любознательности. Очень, кстати сказать, человеческое качество, хотя и не только человеческое.

Когда начался такой проект? Ну, в качестве профессионального (или, может, прото-профессионального) он начался в середине 70-х, когда волею обстоятельств я оказался в совершенно не органичной для себя роли секретаря партбюро Института социально-экономических проблем. Как уж я там с этой ролью справлялся – отдельная тема, но «побочным» продуктом данной деятельности оказалась папка документов.

Эти документы (в основном собственного изготовления, от протоколов заседаний партбюро до объемной статьи об истории становления ИСЭП, написанной для стенгазеты) как-то сами собой стали складываться то ли в хронику, то ли в драму, скажем так – в драматическую хронику или институциональную драму. Осталось потом только составить список действующих лиц и озаглавить акты и «сцены», да иногда сопроводить их «репликами».

Впоследствии образовалась привычка – складывать документы в папки в некоем хрономатематическом порядке, так чтобы легко было, при надобности, найти, но и чтобы некий сюжет образовался, интрига прослеживалась. Документы могли быть официальные, могли быть и личные; это был архив, но организованный как для внутреннего пользования, так и – отчасти – для восприятия другими людьми. Здесь опускаю «технологические» детали.

Более или менее осознанной стала эта практика с началом «эксперимента социолога-рабочего» (1980), когда мало-мальски упорядоченный архив стал складываться в хроники и «циклы», которые много лет спустя улеглись в хорошо известную Тебе «Драматическую социологию и социологическую ауторефлексию». Тут и [«Письма Любимым женщинам»](#), и «Выход из мертвой зоны», и «Театр жизни на заводских подмостках» (это последнее название впоследствии придумала замечательная журналистка, в 80-х годах работавшая в новосибирском журнале «ЭКО», Нина Максимова).

Когда в сентябре 1983 года ко мне домой явились чекисты с обыском, я быстро сообразил, что это – пролог новой документальной хроники. Сейчас не под руками у меня возникшая тогда папка, а название у нее было многосоставное, из которого сейчас помню только подзаголовок: «Игры сталкера».

Обычно я старался комплектовать архив не в единственном экземпляре, выполняя при этом значительный объем машинописных работ, и раздаривал друзьям (может, у кого и сохранилось...). Помню, в первый раз я воспользовался ксероксом уже в 1989 году, в нашем институте на Серпуховской. Кстати, это были копии страничек из дневника 60-х гг. и вырезок из ленинградских газет (собственные журналистские опусы того же времени). Называлась эта папка – «Дурной шестидесятник».

Иногда такие папки или даже переплетенные тома (собрания документов) формировались из отчетов и статей разных лет, вроде «Образа жизни и жизненного процесса» или «Театрального репертуара в движении».

Теперь, особенно с развитием интернета, я все чаще не только перевожу имеющиеся архивы в электронный вид, но и текущие кейсы немедленно отображаю в Сети, в том числе – в электронных СМИ. То есть делаю их достоянием гласности (что само по себе оказывается фактором развития рассматриваемой ситуации). Так было с «делом» Егора Новиковского – [«Наш заурядный / незаурядный случай»](#) на портале «Когита.ру» и с «делом» ветерана Великой Отечественной войны О. Г. Желябужским – [«Деревенская история»](#) (там же).

Ну вот, я постарался очертить и методологию, и отчасти даже технологию того, что Ты назвал «мегапроектом». Что же было все-таки основным его содержанием, темой, ведущим мотивом? При всем, отмеченном Тобой, разнообразии его предметной специфики, я бы определил главную тему как **«Человек и социальные институты»**.

Пожалуй, приведу здесь свою полушутливую миниатюру, которой завершается [том 2/2 «Из неопубликованных глав «Драматической социологии...»](#).

ЭВРИСТИЧНЫЙ СОН

Как известно, Менделеев впервые увидел свою периодическую таблицу элементов во сне. Это стало предметом специальных исследований в области психологии научного творчества. Лично я сразу забываю сны. Но сегодня два реальных, относительно недавних события причудливо совместились во сне и возник своего рода эвристичный результат, который я запомнил и даже смог реконструировать логику его обретения.

Реальные события такие.

Один мой коллега и друг, вздумал посоветоваться со мной о выборе темы своей научной работы на ближайшие годы, которую он, хотя бы в силу своего возраста и положения, волен сам себе определять и формулировать. А другой мой друг, он же – наставник, последнее время стал советоваться со мной, правда, не по собственно научным, а, скажем так, по научно-гражданственным вопросам, связанным с положением дел в нашем профессиональном сообществе.

И вот во сне мне причудилось что второй задал мне вопрос, который интересовал первого. И я – во сне же – стал решать задачу на оптимизацию.

Я счел, что Наставнику эта тема не должна быть совершенно внове, чтобы можно было использовать прежние заделы. Далее, я забраковал возможность как сугубо теоретического, так и эмпирического исследовательского проекта, понимая, что и тот, и другой могут оказаться слишком долгосрочными. Я решил рекомендовать ему методологическую тему, которая, как мне кажется, всегда мозаична и бесконечна. И еще – во сне мне показалось, что и я сам в эту тему должен быть как-то включен, чтобы Наставнику было кого наставлять. А стало быть – и мне она должна быть близка.

В итоге, я предложил своему другу и наставнику – восне! – такую тему: **«Методология изучения взаимоотношений личности и общества»**. И вполне удовлетворенный этим результатом, поспешил проснуться.

Я заверяю, что этот скромный / нескромный результат получен именно во сне. Сон – бесфабульный (или я фабулу забыл). Так сказать, «приключение духа».

Между тем, не так уж я оказался и оригинален – в общем-то во сне «перепел» самого себя наяву. В предисловии к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (2003; т. 1 с. 11), как оказалось, можно прочитать:

«В итоге сложился комплексный предмет исследования, который можно определить как «взаимодействие личности и общества; человек в системе реальных общественных отношений».

Понятна вся неисчерпаемость такой предметной области. Однако, в меру своих сил, автор постарался осветить эту область средствами «экспериментальной социологии» (наш термин 80-х гг., впоследствии смененный на «драматическую социологию»).

А теперь – вопрос друзьям и коллегам. Отгадайте, кто именно мне приснился?

Андрей Алексеев. 5.02.2012.

Похоже, Андрей, в 2010 году ты «отчитался» перед собой 4-х томником «Профессия – социолог», в 2011 году ты, похоже, в фокусе внимания держал работу над «В поисках Адресата». В процессе подготовки этих книг ты очень глубоко вошел в Интернет, «сроднился» с электронной почтой. Эти твои проекты можно рассматривать и как очень удачный, во многом пионерный (во всяком случае для российской социологии) опыт расширения инструментария и организации наших исследований. Это интересно и в том отношении, что эту новую нишу стал обживать социолог старшего поколения, имеющий солидный стаж офф-лайн-разработок. И здесь два вопроса.

Первый, не мог бы ты просуммировать свой опыт работы с использованием Интернета и электронной почты? Что тебе дало обращение к новой электронной технологии?

Мой второй вопрос: «Как на твоём пути появился портал Cogita. Ru? С чего все началось, как развивалось, какие возможности он дал тебе как социологу, имеющему выношенную за многие годы концепцию наблюдений (разных типов) взаимоотношений личности и общества?»

Сначала одно замечание к твоей привязке тех или иных трудов к определенным датам. Я думаю, это эхо бюрократических норм организации научной работы. Момент обнаружения результата, как правило, не совпадает с моментом завершения труда (разве что, в он-лайн-овых изданиях), не говоря уж о периоде его (этого труда) выполнения.

Так, 500-страничный том «В поисках Адресата» был фактически написан в процессе нашей с Тобой переписки 2006 года, а в 2011 году я затратил меньше месяца на композицию и макетирование. Работа над «Неопубликованными главами «Драматической социологии...»» ([тома 1, 2/1, 2/2](#)) в 2012-2013 гг. заняла побольше времени, Но ведь в основном эти тома составлены из текстов, «не вместившихся» в «Драматическую социологию» (вышедшую в 2003-2005 гг.), а написанных и / или набранных в компьютере в 1999-2001 гг. или еще раньше. Особенно если учесть, что я ко всякому тексту (включая собственные) подхожу как к документу и не позволяю себе эти тексты редактировать. (Даже при сокращении всегда ставлю: <...>).

Ну, все это приходится оговаривать в предисловиях, а на титуле, понятно, стоит дата «выхода в свет».

Стоит заметить, что с компьютеризацией (даже еще до интернетизации) сохранность такой работы «впрок» и продуктивность за счет обращения к «запасникам», существенно возрастает, поскольку держать в относительном порядке электронный архив куда проще, чем бумажный. А уж копирование в файлах и перестановка готовых кусков не сравнить с работой ножницами и клеем.

Теперь об интернете. Ты мне задал вопрос, для ответа на который мне достаточно даже не в своем архиве поискать, а во всемирной паутине, где «в соответствующем месте» размещен [№ 14 журнала «Антропологический форум»](#) за 2011 год. Помню, Марина Ильина, одна из редакторов этого журнала, предложила мне поучаствовать в форуме на тему «Научное знание в условиях интернета». Вот этот текст:

Согласимся, что Интернет не просто новейшее технологическое средство, а социальный институт, возникновение которого произошло буквально на наших глазах, а функционирование успело за пару десятилетий наложить существенный отпечаток на деятельность всех остальных институций. Интернет — важнейший элемент и фактор современной информационной революции.

Относительно научного знания Интернет выполняет, как минимум, следующие основные функции: а) распространение знаний; б) техническое обеспечение научной коммуникации; в) информационный источник или ресурс. (а) и (в) суть внешние, а (б) — внутренняя для социального института науки функция Сети.

Современный ученый, избегающий Интернета или лишенный возможности его использовать в этих трех его ипостасях, фактически обречен на катастрофическое снижение собственного потенциала познания, общения и творчества.

Понятно, что Интернет — очень слабо дифференцированное информационное пространство, в котором качественное знание перемешано с информационным мусором, массовая, специальная и личная коммуникация переплетены, наука соседствует с паранаукой и т.д. Но в сущности, это свойственно не только Интернету, а и современной коммуникации вообще. При обращении к Интернету возрастает роль профессиональной, нравственной и, если угодно, эстетической *избирательности* субъекта. Пользователь Интернета, будь то в процессе информационного поиска, электронного общения,

публичной коммуникации, постоянно выступает в роли эксперта. Чем качественнее эта экспертиза, тем производительнее его информационный труд.

Глобальная информационная база предоставляет, так сказать, равные возможности для чрезмерной доверчивости и для контроля достоверности. Вопрос о фильтрации, отделении научного знания от его имитаций и суррогатов в Интернете решаем отчасти техническими средствами (по аналогии с борьбой со спамом). Однако по-прежнему последнее слово остается не за машиной, а за человеком, оперирующим с информацией в Сети.

Когда-то на заре Просвещения эпистолярное общение выступало одной из первичных форм научной коммуникации. Сейчас, с развитием Интернета, происходит своего рода реинкарнация этой формы при всевозрастающем значении многополюсных диалогов (полилогов), форумов, заочных конференций и т. п. Мало того, становится нормой повседневное рабочее сотрудничество отдельных ученых и научных коллективов, разделенных в пространстве.

На наш взгляд, роль Интернета как «поля» для гуманитарных и обществоведческих штудий пока недооценивается. Так, многие задачи, решаемые традиционными методами эмпирической социологии, могут куда более оперативно и «экономно» реализоваться посредством целевых и случайных выборок и анализа материалов Сети.

Понятно, что репрезентация социума здесь специфична. Например, так называемые интерактивные опросы создают заведомо ложное представление о реальных соотношениях социальных черт и мнений. Но для решения задач типологизации явлений и процессов, для выявления нарождающихся тенденций обращения к Интернету может оказаться вполне достаточно. Разумеется, мониторинг «картины мира» в Сети требует специальных процедур корректировки. В то же время в ситуации плюрализма отображений возможно и своего рода взаимопогашение аберраций.

Подводя итог нашим ответам на вопросы журнала, могу сказать: будучи продуктом научно-информационного и технического развития, Интернет становится его (этого развития) приоритетным глобальным фактором.

Краткая анкета: Отношу себя к старшему поколению (76 лет). Под влиянием Интернета радикально изменилось не содержание, но форма и режим моего профессионального труда.

Это – общая постановка вопроса. А конкретно – без интернета, в частности, без электронной почты, не было бы ни моих, ни твоих многостраничных томов. Не было бы нашего «незримого колледжа» (форум по биографике в рамках вашего с Дмитрием Шалиным проекта «Международная биографическая инициатива»). Не было бы новых для меня форм профессионального общения, будь то двустороннего (переписка он-лайн) или одностороннего (рассылки по электронной почте). Это еще при том, что я «старомодно» игнорирую «социальные сети» и не веду «живого журнала».

Интернет существенно облегчает мониторинг, а иногда и непосредственное участие в текущих процессах современности. Остановлюсь на такой ранней, но живучей форме интернет-взаимодействия, как рассылки. (Эта форма возникла еще до распространения социальных сетей типа «Вконтакте» или «Фейсбука»).

Из книги А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия – социолог...» (том 1, с. 255-256):

«...**Рассылка** – особая форма коммуникации в Сети. В отличие от блогов, форумов, сайтов, где информация потенциально адресована и доступна всем (иногда – всем зарегистрировавшимся), здесь имеет место *одновременное сообщение одной и той же актуальной информации заранее определенному, фиксированному кругу адресатов*. Обычными являются рассылки, осуществляемые организациями (иногда их называют «подписками»). Реже – рассылки предпринимаются частным лицом, добровольно берущим на себя функции информатора своих коллег или знакомых.

Для осуществления систематической рассылки необходимо согласие каждого из ее получателей.

Обычно рассылка включает в себя некоторое сообщение или материал (материалы). Но может быть и просто собранием сетевых ссылок, которые получатель, при желании, сам откроет в Сети. Возможны комментируемые сводки ссылок.

Будем различать рассылки-«монологи» и рассылки-«диалоги» («полилоги»). Первые – обычно – не раскрывают круга адресатов (используется технология «скрытых копий» в электронной почте). Ответ на такие рассылки, понятно, не исключен, но только в единственный адрес – источника, автора рассылки. Второй тип рассылок – при открытом, явленном списке адресов – позволяет любому ее адресату на всякое сообщение отвечать всем, одновременно (технологически это облегчено специальной опцией в электронной почте). В таком случае это становится специфической формой форума, или дискуссии в блоге, только с ограниченным кругом участников.

Рассылки-«монологи» характеризуются информационной функцией, по преимуществу. Рассылки-«полилоги» – это обычно обсуждение, взаимоуточнение, спор. *(Этот текст датирован 2008 годом. – А. А.)*.

Мои рассылки начинались в 2007 году примерно с сотни адресатов. (Впоследствии круг расширился до нескольких сотен).

Первый выход рассылок Алексеева в анонимную, публичную сферу состоялся почти сразу же, 6 лет назад. Тогда моя декабрьская рассылка 2007 года попала на страницы сайта Фонда «Либеральная миссия», со следующим предисловием «от администрации»:

«Под Новый года так и хочется нарушить какое-нибудь сложившееся правило – например, разместить под серьезной рубрикой немного озорной и не предназначенный для широкой публики текст. Что мы и делаем с удовольствием. Такие послания под общим девизом (см. заголовок) («Делать что должно». – А. А.) регулярно направляет друзьям и коллегам известный питерский социолог Андрей Алексеев. По сути, его обзоры представляют собой нечто вроде новейшего самиздата или, если хотите, мини-энциклопедии быстротекущей российской жизни. С разрешения автора расширяем на сей раз круг его адресатов».

Обычно мои рассылки предварялись обращением к адресатам. Например:

Уважаемые коллеги и друзья!

На протяжении последних полугодия систематически (хоть и не всегда регулярно...) делал так называемые рассылки на актуальные научные, культурные, политические темы – примерно в 200 адресов, людям, которые выражали заинтересованность в их получении.

Апрель (2008 года. – А. А.) выпал настолько перегруженный другими делами, что не удалось сделать ни одной рассылки, Мною получено несколько тронувших меня писем, с беспокойством, не исключил ли я автора из рассылки. Нет, разумеется. Я исключаю только тех, кто меня об этом сам попросил. (Таких за полгода было меньше десятка).

Потерян ли этот месяц? Я решил поступить следующим образом. Поскольку мои рассылки, строго говоря, суть побочный продукт собственного виртуального архива, а последний складывается из личной переписки и работы с Интернетом, я просто отправляю сегодня «сырое» собрание ссылок, практически без комментариев. Каждый сам, пробежав эти странички глазами, найдет для себя нужное (если найдет).

Заранее подчеркну: заведомо – ВСЕМ ВСЕ НЕ ИНТЕРЕСНО. <...> (Из рассылки от 7.05.2008 («Мой виртуальный архив»)).

Точнее было бы сказать: «**Все не может быть интересно всем**». То есть постулировалась заведомая избирательность пользования этим моим «самиздатом». Впрочем, иногда у меня бывали и специализированные рассылки: для социологов; для петербуржцев; и т. п. Бывали и монотематические рассылки (посвященные какому-то одному событию или теме).

Признаться, я вел этот мониторинг скорее для себя, отбирал из интернета

тексты, которые были МНЕ интересны. Но коль скоро это делаешь «для себя», почему не поделиться с другими? Иногда в рассылку (обычно – более узкую) попадали и собственные (авторские) тексты, представлявшие, на мой взгляд, общественный интерес.

Так продолжалось несколько лет. В одной из рассылок 2011 года я попытался очертить круг информационных ресурсов, которыми я пользовался для своих обзоров. Оказалось, не так уж их много – около 20 (несколько электронных СМИ, рассылки других лиц и организаций, не считая личной переписки с коллегами и друзьями). В одной из рассылок уже недавнего времени я писал:

...Возьму, для примера, один из ресурсов: «Новая газета» Всего один номер – последний (вышел вчера!). Я читаю обычно от корки до корки. Ну, а попробуйте прочитать хотя бы полдюжины материалов. И Вы почувствуете действительную, едва ли не смертельную мерцательную аритмию нашей общественной жизни... (Из рассылки от 12.07.2011 («По страницам Новой газеты. Хранил просто так... Бесовщина»))

Где-то на рубеже 2011-2012 гг. я озаботился составлением годовых сводов своих рассылок и разместил их в Сети на Яндекс.Народ.ру. Вот их (этих сводов) названия и адреса: [Делать что должно \(2007\)](#); [Рефлексия. Действие. Смех \(2008\)](#); [Оборона Петербурга \(2009\)](#); [Сезам, отворись! \(2010\)](#); [Вас снимает скрытая камера истории \(2011\)](#). В каждой из этих композиций по несколько десятков рассылок.

Почему я так подробно рассказываю о рассылках? Потому что из них и выросла колонка, а впоследствии блог Алексеева на питерском портале «Когита.ру».

Информационно-аналитический портал www.cogita.ru – «Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада» – был учрежден в мае 2009 года Региональным общественным учреждением Научно-информационный центр «Мемориал» с центром в Петербурге. Я, хоть и не член «Мемориала», весьма близок к этой общественной организации. (Достаточно сказать, что именно этому сообществу энтузиастов подарен так называемый «Алексеевский архив» и именно НИЦ «Мемориал» нашел для этого, действительно уникального, архива-коллекции помещение и обеспечивает его сохранность).

Пожалуй, спецификой Когита.ру, независимого электронного СМИ, является освещение проблематики гражданского общества и вопросов, значимых для гражданского общества. Так, по крайней мере, я понимаю [его миссию](#). Название портала происходит от известного философского высказывания, принадлежащего Декарту: «Cogito ergo sum» – «Мыслю – следовательно, существую». «Cogita!» можно перевести как «Думай!».

Мне приходилось публиковаться на этом портале в 2010-2011 гг. (В частности, именно там я вел гласный мониторинг «дела» Егора Новиковского, в общем – заурядного, но получившего резонанс именно благодаря этому мониторингу. Иногда портал инициативно публиковал по преимуществу авторские фрагменты моих рассылок – особенно – социологические сюжеты.

В октябре 2012 года я получил приглашение от главного редактора и директора «Когита.ру» Татьяны Косиновой к регулярному участию в портале, в качестве волонтера-колумниста и комментатора, причем с правом самостоятельно вывешивать подготовленные мною материалы (действуя по принципам так называемого краудсорсинга).

Я взялся за дело довольно резво, так что за полгода разместил на портале свыше 500 материалов (получается, примерно по три в день). Поскольку по объему это было больше половины всего контента Когита.ру появилось то, что некоторые стали называть «алексеевским лицом» Когиты.

Не следует думать, что все 500 материалов были написаны мною самим или приглашенными мною авторами. Я перенес на Когиту принцип своих рассылок

(см. выше). Отчасти портал стал дайджестом, но в случае воспроизведения из других ресурсов, уже известная информация (разумеется, с аккуратной ссылкой на ресурс, откуда взято), как правило, сопровождалась моим комментарием, предьявлялась в контексте других сообщений и с оригинальным заголовком, на которые, как Ты знаешь, я мастак. Да и сам отбор сюжетов для освещения на информационно-аналитическом портале – дело творческое.

Моим кредо было, пожалуй, следующее: **«Развлекаю, просвещая; просвещаю, развлекаю».**

В итоге, весной 2013 года на Когита ру появился материал под названием [«О разделе «А. Н. Алексеев»](#)», написанный директором портала (с моей небольшой корректурой):

Названный раздел вырос из колонки, которая к маю 2013 окончательно переросла свои рамки и размеры и во время структурной и тематической реформы портала в мае 2013 была выделена в самоценный кластер в верхнем меню.

На наш взгляд, раздел является актуальной частью [«Алексеевского архива»](#). По собственным словам его создателя, он представляет собой не репрезентативную, а вполне себе субъективную выборку тем, идей и эпизодов нашей жизни, обозрение и панораму событий, иногда – не только местные (региональные), но и общеполитические новости, новости социологической жизни, а также «мемориальная», правозащитная, градозащитная, экозащитная информация, новости науки и культуры, анонсы событий и репортажи об этих событиях и т. д., и т. п. Порой и не только «новости», вернее – новостью оказывается само по себе обращение к той или иной теме, которую колумнист считает актуальной, заслуживающей внимания своих адресатов и / или посетителей портала.

Поскольку мы не только проживаем нашу жизнь, но и неизбежно кое-что откладываете в памяти, колумнист старается и эту «архивную» задачу своим адресатам облегчить: ведет инвентаризацию опубликованных на Когита!ру «своих» (и не только «своих») материалов. Обычно это имеет вид свода названий и аннотаций (навигатора по материалам портала) за очередной месяц...

Эта моя **самодеятельность** на портале Когита.ру продолжалась еще семь месяцев, аж до нынешнего Нового года. Пока Ты (и еще несколько близких друзей, не получили от меня – в последних числах декабря – сообщение о том, что свою регулярную (повседневную) волонтерскую работу на Когите, я вынужден прекратить, ввиду «профессиональных и стилистических разногласий с директором портала». Далее процитирую свое собственное предновогоднее письмо к Тебе:

...Многие в последнее время стали отождествлять Алексеева с Когитой и наоборот, Так вот, от такого отождествления в 2014 году придется отказаться.

В будущем году на Когите не будет ни рассылок Левада-центра, ни информации о гуманитарно-научной жизни (за небольшими исключениями), ни общеполитической информации (не имеющей прямого отношения к Северо-Западному региону), ни, например, информации о Евромайдане и т. п. Формально говоря, за мной остаются право и возможность вывешивать там собственные эссе и эксклюзивно для Когиты написанные материалы моих ближайших коллег, но я не уверен, что стану активно пользоваться этой возможностью.

Тут, как всегда, переплетаются множество причин и поводов, среди которых можно предположить и сугубо субъективные, и объективные (по крайней мере, кажущиеся таковыми).

Удаление предновогоднего материала, оживленного присланным Тобою фото В. Юраш, было вызвано достаточно широким распространением цитируемых там текстов в Сети. Также было удалено воспроизведение мною на Когите – в качестве документа – первого (после освобождения) интервью с Ходорковским. (Будто бы это не понравилось интервьюеру – редактору журнала «The New Times» Евгении Альбац). И т. д.

В письме к Анри Кетегату, который выразил сожаление, что Алексеева «отстранили от руля Когиты», что «неизбежно скажется на уровне проблематики и анализа, на степени динамичности информационного потока», а «введение Когиты в северо-западные рамки чревато провинциализацией, сужением круга читателей и авторов», я написал:

...Вообще-то, Алексеев от руля Когиты себя отстранил сам. Дело в том, что Т. К. стала вдруг слишком часто хватать «рулевого» за руки. Насчет перспективы провинциализации портала — верно. Но дело не только в практиковавшейся мною широте тематики и географии. «Контент-менеджера» не устраивало ИЗОБИЛИЕ ПЕРЕПЕЧАТОК, хотя бы и с оригинальным отбором сюжетов, и с авторскими комментариями. В современной интернет-среде это называется «копи-пастингом», и некоторыми полагается абсолютным злом...

И еще, из письма к Тебе:

...Мое расставание с Когитой — не абсолютное. «Колонка» остается, Вот и сейчас — я только что поместил интереснейший текст Анри — «Время — назад»... Возможны и другие «факультативы». Но уже нет и не будет на Когите Алексеевской «панорамы мира» и «субъективной летописи» ...

Фактически заполняя Когиту на 2/3, я был ее «нянькой» или «мамкой», что хлопотно.

Теперь освобождается время и для 3-го тома «Неопубликованных глав...», и для нашего с Тобой интервью. Был - этап жизни, начался другой. Нормально!..

В сугубо официальных выражениях, я предупредил о предстоящих изменениях своего сотрудничества на Когите и пользователей портала — в своем [«НОВОГОДНЕМ заявлении»](#).

Да, а что же рассылки? В 2013 году я стал рассылать все тем же нескольким сотням адресатов уже не обозрения-композиции наиболее интересных (с моей точки зрения) материалов, гуляющих в Сети, а полные, хронологически упорядоченные архивы (списки материалов) и навигаторы (гиперссылки) по публикациям Когита.ру — за месяц, за квартал... Теперь это, пожалуй, теряет смысл. Возможно, вернусь к практике неформальных рассылок.

В любом случае, так или иначе сохраняются исповедуемые мною принципы: «**Multum non multa**» (Многое, а не много) и «**Verba volant — scripta manent**» (Слова улетают — написанное остается).

Я не помню, обсуждали ли мы с тобой тему социологических школ, в частности — такого образования, как «ленинградская социологическая школа». Если ты считаешь, что понятием «ленинградская социологическая школа» обозначается нечто реально существующее или существовавшее, то в чем «ядро», отличительные признаки этой исследовательской культуры?

При всей распространенности этой формулы, я бы предостерег от определения или обозначения научных школ по региональному признаку. Это возможно, когда в данном городе (регионе) есть или был один общепризнанный первопроходец или лидер (ну, скажем, Л. Коган — в Свердловске, З. Файнбург — в Перми, Ю. Вооглайд — в Эстонии) или когда группа ученых работает в тесной спайке, характеризуется тематической и методологической общностью.

Не случайно не говорят о «московской» научной школе. А «ленинградская», это кто — ученики И. Кона, А. Харчева, В. Ядова, А. Здравомыслова, О. Шкаратана, С. Кугеля? До чего же они все разные — и учителя, и ученики, и ученики учеников! Это еще при том, что заочное влияние может быть не менее значимым, чем непосредственное сотрудничество. Для меня, например, двухгодичные «мои университеты» (1969-1970) в Новосибирском академгородке (где я практически «разминулся» с В. Шубкиным

и В. Шляпентохом: тот и другой в 1969-м переехали в Москву; а Т. Заславская и Р. Рывкина работали в другом институте) были не менее значимы, чем работа в командах ленинградских «отцов-основателей». А книга москвича Б. Грушина «Мнения о мире и мир мнений» (практически при отсутствии личных контактов) сыграла едва ли не решающую роль на начальном этапе профессионального становления ленинградца А. Алексеева.

Так что я воздержусь от ответа на этот твой вопрос, хотя и не настаиваю на том, что, скажем, «ленинградская» или «новосибирская» социологические школы — это мифы.

Я сам знаю, насколько сложно отвечать на вопрос о планах в работе, и все же, ты предполагаешь продолжить «Профессию — социолог» или нечто, в созданной и отработанной тобою стилистке?

Ну, Боря, на пороге 80-летия, не стоит говорить о слишком дальних планах. Хотелось бы довести до электронных изданий две книжки: «Корни и ветви (В помощь пишущим о предках и о себе самом / самой: «эстафета памяти» и дюжина примеров семейной хроники)» и «Куда идут дела в стране? (по материалам опросов Левада-центра, и не только)». Обе сейчас в процессе авторского макетирования.

Все остальное, уже готовое и «текущее», должно вписаться в следующий том «Из неопубликованных глав «Драматической социологии...»». Как и предыдущие тома, это будет электронное издание.

Стоит заметить, что, в частности, благодаря интернету (см. об этом выше) практически нет проблем с «внедрением» своих научно-литературных продуктов в публичную сферу. Лично для меня — это и [питерский «Телескоп»](#), и [«Международная биографическая инициатива»](#), и сайт [Центра социального прогнозирования и маркетинга](#), и журнал Евгения Берковича [«Семь искусств»](#) (где даже специальная рубрика возникла — [«Драматическая социология»](#)), и, наконец, тот же портал [Когита.ру](#). Иногда дата постановки последней точки и дата обнародования — буквально совпадают.

Андрей, я, кажется, исчерпал свои вопросы на данный момент... но готов поддержать нашу беседу по предложенной тобою теме, которая позволит тебе высказать еще не высказанное.

Знаешь, мне было интересно, что Ты спросишь, не меньше, чем Тебе — что я отвечу. Давай, сохраним эти правила игры. Интервьюируемый должен быть не слишком инициативен. Иначе это может превратиться в «самоизлияние». Интервью — это соавторство, где роль ведущего уготована интервьюеру.

Август 2013 — январь 2014.